

На правах рукописи

Шафиков Искандер Сагитович

**ПРЕДИКАТЫ СМЕРТИ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И
ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание
Специальность 10.02.04 – германские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Уфа – 2007

Работа выполнена на кафедре немецкого языка Государственного
учреждения высшего профессионального образования «Башкирский
государственный университет»

Научный руководитель

доктор филологических наук,
профессор **Мурясов Рахим Закиевич**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор **Нухов Салават Жавдатович**

кандидат филологических наук,
доцент **Имамутдинова Флюра Ришатовна**

Ведущая организация **Государственное учреждение высшего
профессионального образования «Уфимский государственный
нефтяной университет»**

Защита состоится «3» мая 2007 г. в 10 часов на заседании
диссертационного совета К 212.013.05 по защите диссертаций на соискание
ученой степени кандидата филологических наук в Башкирском
государственном университете по адресу: 450076, г. Уфа, ул.
Коммунистическая, 19, ауд. 31.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Башкирского
государственного университета по адресу: 450074, г. Уфа, ул. Фрунзе, 32.

Автореферат разослан «___» марта 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Чанышева З.З.

Как известно, любой объект изучения, в том числе язык, лучше всего познается в сравнении. Сравнительное исследование эквивалентных языковых структур позволяет установить общее и индивидуальное в сравниваемых структурах. В настоящей диссертации делается попытка вывести общие (изоморфические) и индивидуальные (алломорфические) черты в эквивалентных семантических полях английского, немецкого и французского языков с помощью типологического метода. Проведение подобных исследований необходимо для установления признаков, характеризующих лексикон любого языка, для типологии лексико-семантических систем по совокупности выделенных черт. Установление общих и индивидуальных черт языков позволяет увидеть, как в языке выражается категория, имеющая общечеловеческий характер, каким образом внутренняя форма языковых структур преломляет категории мышления, имеющие общечеловеческий характер, наконец, увидеть, ЧТО превалирует – межъязыковое сходство или межъязыковое различие – и ЧЕМ объясняется то и другое. Стратегическая цель подобных исследований состоит в выявлении универсальных свойств (универсалий), характеризующих языковые системы различных языков независимо от родства. Если существование универсалий объясняется общим устройством перцептивно-когнитивного аппарата человека, то возникает вопрос, почему, несмотря на общие ментальные категории, языки различаются не только внешне, что самоочевидно, но своим внутренним содержанием, насколько глубоко внутреннее различие в языковом содержании и как это различие влияет на мышление. Ответить на этот вопрос, вероятно, можно лишь изучением объекта эмпирического исследования с разных сторон, например, с помощью интеграции метода комбинаторной (компонентной) семантики и теории категоризации, с помощью изучения внутренних форм мотивированной лексики и моделей переноса значения.

Универсальное и индивидуальное обнаруживается на любом уровне языковой структуры, однако в сфере семантики, в частности лексической семантики, сравнительная типология имеет пока еще скромные достижения, если не считать нескольких исследований; см., например: [Berlin, Kay 1969; Anderson 1978; Talmy 1985; Seiler 1986; Lehman 1990; Marin-Argese 1996]. Однако именно лексическая семантика выражает фундаментальные черты языковой структуры, которые обуславливают максимально широкую совокупность более частных признаков других уровней языковой структуры.

Сказанное в полной мере относится к лексике, представляющей категорию СМЕРТЬ. Тема смерти является в значительной мере интимной в силу своего психологического воздействия на человека. Как говорит Ларошфуко, на смерть, как и на солнце, нельзя смотреть в упор. Однако эта тема отражает важнейшую для человека любой культуры концептуальную

сферу, широко представленную в каждом языке, и поэтому заслуживает самого пристального внимания исследователя. Интерес исследователя к соответствующей лексике повышается особенно в связи с тем, что изучение таких сложных когнитивных категорий, как СМЕРТЬ, которые Р.З. Мурысов справедливо называет интердисциплинарными, требует интенсивного применения типологического (сравнительного) метода, что означает «бесконечное расширение границ контрастивной лингвистики» [Мурысов 2002: 4]. Все сказанное определяет **актуальность и содержание** данного исследования.

Содержание языковой единицы исследования рассматривается как содержание наименования (номинации), представляющего собой результат процесса номинации. В теории Г. Фреге структура наименования включает значение, то есть соотнесенность с определенным объектом, объем, то есть объем понятия, под которое подводится наименование, и смысл, то есть внутреннюю форму обозначения. Соответственно, предметом исследования в настоящей работе служит группа номинаций смерти в английском, немецком и французском языках, которые различаются по семантике и внутренней форме, а также по моделям метафорического или метонимического переноса, которые лежат в основе значительной части наименований любого языка.

Таким образом, **целью исследования** является нахождение изоморфических и алломорфических свойств в эквивалентных лексических группах, объединенных общей внеязыковой категорией СМЕРТЬ в английском, немецком и французском языках.

Материалом исследования служат глагольные предикаты смерти, обозначающие действие или состояние смерти и выделенные из толковых и фразеологических словарей фронтальным методом.

Исследовательские задачи данной работы включают:

- типологический анализ эквивалентных семантических полей, обозначающих смерть как действие и как состояние, смерть как субъект и объект глагольного действия в языках сравнения и представляющих эталонное семантическое поле (язык-эталон);
- установление интегральных и дифференциальных сем, представленных семантическими компонентами в значениях предикатов смерти в языках сравнения;
- установление типических признаков, которые наряду с «диагностическими» семами конституируют лексические значения предикатов смерти в языках сравнения;
- установление значимостей анализируемых единиц, то есть стилевых, эмотивных, темпоральных, территориальных и других особенностей функционирования предикатов смерти;

- сравнительный анализ структур внутренней формы, а также метафорических и метонимических моделей предикатов смерти;

- контрастный анализ результатов исследования семантики и внутренней формы предикатов смерти с целью нахождения изоморфических и алломорфических свойств в семантических полях сравниваемых языков.

Методы исследования определяются исследовательскими задачами. Основными из них являются: описательный метод, сравнительный (типологический) метод, метод оппозиций, метод компонентного анализа, полевый метод и метод количественного анализа.

Новизна работы заключается в следующем: 1) в комплексном сравнительном исследовании семантического поля «смерть» на материале трех языков разного строя; 2) в интегрировании методов семантического поля, компонентного и прототипического подходов к семантическому анализу лексических единиц в языках сравнения; 3) в интерпретации внутренней формы анализируемых языковых единиц как сложной структуры, представляющей комбинацию родового и видового признаков именуемого объекта; 4) в интеграции в рамках одной работы исследования структуры внутренней формы и образов смерти, представленных в метафорических и метонимических моделях как основных типах переносного значения.

Теоретическая значимость работы заключается 1) в попытке осмыслить материал, накопленный в теории языка, для поиска интегративного подхода, позволяющего объединить направления современной лингвистики, по-разному интерпретирующие проблему общего и специфического в языках; 2) в накоплении эмпирического материала в разных языках, необходимого для решения важнейшей глобальной задачи современной лингвистики, а именно, построения семантической типологии лексических систем; 3) в выведении «возможных» (термин Х.Я. Зайлера) языковых универсалий, полученных индуктивным путем на материале исследованных языков и экстраполируемых на другие языки; 4) в поиске решений, позволяющих оптимизировать современную терминологию, связанную, в частности, с когнитивным направлением современного языкознания.

Практическая значимость исследования связана с тем, что материал работы может найти применение в курсах лексикологии и сравнительной типологии английского, немецкого и французского языков, а также в лексикографии при составлении словарных статей, связанных с толкованием слов и словосочетаний, обозначающих смерть.

Композиция работы, которая состоит из четырех глав, списка литературы и приложения, определяется поставленными задачами. В первой главе проводится критический обзор литературы по видам

ментальных структур, таких как категория, концепт, значение, а также по проблеме межъязыковых различий и концепции языковой модели мира. Во второй главе рассматривается проблема мотивированности и внутренней формы лексических единиц, а также метафора как основной вид переносного значения, создающего внутреннюю форму производной номинации. В третьей главе проводится анализ компонентной семантики и значимости глагольных предикатов смерти на основе сравнения семантических структур в языках-репрезентантах и языке-эталоне. В четвертой главе лексический материал анализируется с точки зрения общих и специфических структур внутренней формы, а также моделей переноса. Приложение содержит полные списки предикатов смерти (112 в английском языке, 168 в немецком языке, 156 во французском языке), а также результаты семантического анализа в виде таблиц.

В результате проводимого исследования сформулированы **теоретические выводы, выносимые на защиту в виде следующих положений:**

- изучение лексической семантики должно опираться на интегративную теорию семантических полей и компонентной структуры их единиц (семем);

- определение лексического значения может иметь два критерия: инвариантный, то есть опирающийся на «диагностические» признаки денотата; и нормативный, то есть опирающийся на норму (прототип); таким образом, разработка общей теории языкового значения должна исходить из интеграции теории семантических инвариантов и теории прототипов;

- эталонное семантическое поле «смерть» имеет иерархический характер; языки сравнения демонстрируют сходство в актуализации и распределении интегральных и дифференциальных сем;

- типические признаки, указывающие на прототипический смысл, в целом, соответствуют дифференциальным семам, позволяя расширить представление о референте номинации;

- в языке существуют две разные стратегии представления сем в структуре наименования: представление общего (родового) признака (*идентификатора*), указывающего на категорию СМЕРТЬ, и представление специфического (характерного) признака (*модификатора*), обозначающего причину, вид, характер смерти, мотив действия, который приводит к смерти и т.д.;

- для всех языков сравнения главной стратегией в номинации смерти является наименование по характерному признаку (модификатору);

- структура внутренней формы в значительной мере отражает компонентную структуру семемы, то есть большинство дифференциальных сем в семантических субполях имеет открытый характер; в наиболее

выраженном виде это проявляется в отношении семы «непосредственная причина смерти»;

- межъязыковое сходство в структурах внутренней формы объясняется общим способом мышления, свойственным всему человечеству, и общечеловеческой культурой, а различие между внутренними формами лексических единиц разных языков объясняется, главным образом, структурой языка;

- метафорический перенос позволяет передавать значения любой степени сложности и любой конфигурации, а метафоры служат средством выражения такого смыслового содержания, которое только таким образом и может быть вполне адекватно передано;

- все языки сравнения имеют уникальные и общие модели переноса значения; при этом каждый из языков имеет свой набор уникальных моделей, однако набор наиболее представительных моделей не меняется от языка к языку;

- модели переноса, универсальные для языков, как правило, содержат абстрактные и/или ключевые для человеческого мировоззрения категории, в то время как уникальные модели обладают обычно более конкретной образностью;

- в целом по числу совпадающих моделей и по встречаемости определенных моделей в каждом языке общее превалирует над частным, подтверждая положение о сходных способах категоризации мира носителями любых языков.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность, цель и задачи исследования, его теоретическая значимость и практическая ценность, научная новизна, определяются материал и основные методы исследования.

Первая глава состоит из двух разделов.

Первый раздел рассматривает теоретические проблемы, связанные с основными типами ментальных структур, таких как категория, концепт, значение (см., например, работы Н.Н. Болдырева, Л.М. Васильева, С.Г. Воркачева, Л.М. Зайнуллиной, С.В. Ивановой, В.И. Карасика, И.М. Кобозевой, О.В. Корнилова, Е.С. Кубряковой, В.В. Левицкого, А.В. Михеева, Е.В. Рахилиной, А.С. Самигуллиной, Р.М. Фрумкиной, З.З. Чанышевой, С.Г. Шафикова, D. Geeraerts, J. Hampton, R. Jackendoff, Ph.N. Johnson-Laird, J. Lakoff и др.). Категории и концепты соответствуют квантам знания, которыми оперирует человек в процессе мышления; при этом дифференциация категорий и концептов является в значительной мере условной.

Семантическое поле «смерть» служит примером такой структуры, которая может называться и концептом, и категорией, в зависимости от точки зрения [Шафиков 2006: 15]. Категория СМЕРТЬ включает в себя, например, следующие объекты: смерть как процесс (умирание), смерть как результат (кончина), смерть как качество (относящийся к смерти), а также виды смерти (задохнуться, утонуть, отравиться, замерзнуть и т.д.). Признаками данной категории можно считать физиологические признаки, такие как прекращение дыхания и сердцебиения, понижение температуры тела, анатомические признаки (расчлененное тело и т.д.), субъект смерти (умирающий/мертвец), каузатор смерти (убийца), причина смерти и т.д. Концепт «смерть» ассоциируется с различными предикатами языка, которые касаются данной сферы, например, в русском языке: *смертельный удар, смертельный поединок, смотреть смерти в лицо, видеть смерть, погибнуть* и т.д. Таким образом, если какие-то ментальные объекты рассмотрения образуют «конечные продукты мысли», их следует считать концептами, которые представляют данную категорию и, в свою очередь, представлены языковыми выражениями. Если же сравнение ментальных объектов приводит к дальнейшему дроблению (иерархии), то речь идет о категориях.

Категории объединяют гомогенные множества (концепты), а концепты объединяют гетерогенные множества (категории); иначе говоря, концепты объединяют категории, а категории объединяют концепты. Категории не имеют образной составляющей, следовательно, лишены модальности, в то время как любой концепт выражает субъективное отношение к объекту обозначения. Чем выше по шкале «конкретное» ↔ «абстрактное», тем явственнее происходит процесс перехода концептов в категории. Все концепты вербализуются в языке, в то время как категории могут не иметь закрепленной в языке формы выражения, однако вербализация категории является типичной для любого языка. Концепты, в отличие от понятий, относятся к наивной категоризации; напротив, понятия представляют собой все виды совокупностей существенных признаков, в том числе, концептов.

Значение как ментальная репрезентация, близкая к концепту, отличается от него тем, что выражает языковое знание, в отличие от внеязыкового знания, а также тем, что значение есть репрезентант концепта, который выступает по отношению к значению как репрезентатум. Представляя концепт, лексическое значение актуализирует только его часть, выражая себя, как правило, одной лексической единицей, тогда как концепт выражается целой совокупностью единиц языка, и каждая из этих единиц вводит определенную часть концепта в фокус внимания. Репрезентантом лексического значения является слово или его эквивалент [Арутюнова 1998: 543-640], то есть лексическая номинация,

которая может быть мотивированной или идиоматичной с точки зрения связи между формой и значением. Следует заметить, что поскольку понятие языкового значения является в целом менее размытым, чем понятие концепта [Левицкий 2006: 150], анализ значения выглядит более обоснованным, чем концептуальный анализ, который опирается в значительной мере на интроспекцию (интуицию) [Там же: 143-146].

Лексическое значение включает в себя денотативный и коннотативный макрокомпоненты. В комбинаторной семантике денотативный макрокомпонент может рассматриваться как семема, то есть реализация его структурных компонентов (сем), определяющих его системную значимость и связь с внеязыковым знанием, а коннотативный макрокомпонент, связанный с чувственным восприятием, включает в себя экспрессивно-образное, эмоционально-образное, эмоционально-оценочное и модально-оценочное содержание. О типологии и методах выделения сем см.: [Левицкий 2006: 84-92]

Второй раздел посвящен проблеме межъязыковых различий, которые отражают различия в концептуальных моделях мира и объясняются как внеязыковыми факторами (различная среда обитания, различный темп научного познания, различия в материальной и духовной культуре), так и категоризацией общей внеязыковой действительности, которая далеко не всегда зависит от свойств реального мира. В конечном счете, источником всех межъязыковых различий является категоризация, представленная в концептуальных моделях. Концептуальная модель мира как определенное мировидение варьируется от человека к человеку и от культуры к культуре и может рассматриваться как ментальный мир человека определенной культуры (культурный менталитет), в котором, кроме личных представлений о мире, существуют общекультурные (общезнаковые) концепты, то есть «сгустки культуры в сознании человека» (Ю.С. Степанов).

Свойственный данному языку способ концептуализации действительности, который можно условно назвать *языковой моделью мира*, является отчасти универсальным, отчасти специфичным [Апресян 1995, т. 2: 348-354], так что носители разных языков обладают языковым знанием, которое варьируется от языка к языку. Языковая модель мира может определяться как совокупность представлений о мире, отраженная в языке, или как совокупность способов концептуализации действительности, характерная для данного языка.

Одним из распространенных приемов реконструкции языковой модели мира является рассмотрение метафорической сочетаемости языковых единиц абстрактной семантики, например предикатов смерти.

Вторая глава состоит из двух разделов.

Первый раздел посвящен кругу вопросов, связанных с природой внутренней формы, а также с переносом значения наименования как способом создания внутренней формы лексических единиц.

Процесс номинации сводится к выбору признака (*мотивация*) и его выражению во внешней форме наименования (*мотивированность*); мотивация предшествует номинации, результатом которой является мотивированность; таким образом, мотивированность есть следствие номинативного акта. Осознание связи между внешней формой и значением наименования, представленное в виде некоего умственного образа, есть внутренняя форма наименования (*мотивировка*).

В отличие от мотивации, обеспечивающей связь мотивированного слова с референтом (объектом реальности), мотивированность обеспечивает его внутрисистемную связь, то есть связь структуры мотивированного наименования (мотивата) с его функциями в языке, указывая на характер и тип этой связи. Внутренняя форма обеспечивает ассоциативную связь концептов, закрепленную в языковых формах; эта связь становится особенно актуальной при переносе значения с одного объекта номинации на другой.

Внутренняя форма как умственный образ дает представление об основе номинации; этот образ возникает при употреблении мотивированной языковой единицы и обычно указывает (с разной степенью точности) на значение лексемы. При отсутствии лексической мотивированности внутренняя форма отсутствует и поэтому не может указывать на значение. Так, немотивированные эквивалентные глаголы англ. *die*, нем. *sterben*, франц. *mourir* не вызывают никаких ассоциаций (если исключить индивидуальные ассоциации между концептами). Наоборот, морфологически мотивированный немецкий глагол *nidermetzeln* (*nieder-* + *metzeln*) «убить много людей» вызывает в уме образ падения (*nieder*) и резни (*metzeln*); употребление глагола *enden* «умереть» (дословно «завершиться») в немецком языке вызывает в сознании образ завершения чего-либо, в том числе завершения жизни.

С точки зрения номинации, внутренняя форма лексической единицы представляет собой результат либо деривации (нем. *Mord* «убийство» → *ermorden* «убивать»), либо переноса (нем. *enden* «завершить» → *enden* «умереть»). Основными видами семантического переноса являются метафора и метонимия. Например, фразеологическая единица *in die ewigen Jagdgründe eingehen* в немецком языке иллюстрирует метафорический перенос: умирание *сравнивается* с «уходом в вечные охотничьи угодья». Примером метонимического переноса может служить, например, слово *kaltmachen* в немецком языке (ср. франц. *refroidir*): переносное значение «убить» коррелирует с исходным значением «охладить», поскольку

типической характеристикой трупа является более низкая, чем у живого человека, температура тела.

Второй раздел посвящен метафоре как основному виду семантического переноса. Способность человека думать об одном сквозь призму другого лежит в основе метафорической по сути концептуальной системы, которая представлена языковыми значениями [Лакофф, Джонсон 1990: 387]. Теория метафоры Лакоффа-Джонсона объясняет, как из области ИСТОЧНИК (source) в область МИШЕНЬ (target) переходит представление знания, вербально закрепляя информацию и создавая образную оценку.

Таким образом, метафорическое выражение представляет собой соединение двух идей, которые касаются разных объектов действительности, но действуют сообща и содержатся в одной фразе, значение которой является результатом переноса с одного объекта мысли на другой. Ключом к интерпретации совмещаемых в одной метафоре концептов, может служить введение понятия «символ» [Самигуллина 2006: 73], «семантический посредник», актуализированный в метафорической номинации, который может состоять либо из одной семы, либо из совокупности сем. При этом в своем исходном значении символ может относиться к сфере коннотации, а в переносном значении входить в денотативное содержание.

Метафорический перенос позволяет передавать содержание любой степени сложности и при этом такое содержание, которое только таким образом и может вполне адекватно передаваться. Формирование концептуальных понятий, необходимых для восприятия действительности, часто строится именно на метафоре, включая понимание опыта в терминах данных, полученных другим опытным путем. Большинство концептуальных представлений о мире создано на основе пространственных метафор, которые человек использует в повседневной жизни, сам того не замечая.

Метафора играет определенную роль в научном познании, которое исходит из логических принципов, будучи формой научного мышления и организационным принципом, моделью современных познавательных процессов, отражающих направленность новой научной мысли на многозначность и парадоксальность.

Третья глава состоит из трех разделов.

В первом разделе рассматривается метаязык эмпирического исследования семантики предикатов смерти, а также устанавливаются границы соответствующего семантического поля как объекта исследования. Метаязык представляет собой универсальную, то есть независимую от любого взятого в отдельности языка сравнительную базу. Например, метаязык семантического исследования лексической системы включает такие метаязыковые единицы (параметры) как *семантическое*

поле, сема, семема и т.д. Эталонное семантическое поле «смерть» строится из свойств полей-репрезентантов, то есть эквивалентных семантических полей английского, немецкого и французского языков.

Объект исследования ограничивается глагольными единицами, обозначающими смерть человека. В определении любого толкового словаря можно выделить два понимания смерти: 1) смерть в прямом смысле, то есть прекращение жизнедеятельности организма и 2) смерть в переносном смысле, то есть прекращение функционирования чего-либо. Критерием дифференциации между буквальным и переносным значением смерти служит та аморфная граница между живым и неживым, которая до сих пор неподвластна рассечению даже острым лезвием человеческого ума. Поэтому определение смерти может вызывать определенное затруднение; см., например, следующие контексты: 1) «некоторые бактерии умирают от термического воздействия», 2) «клетка погибает», 3) «смерть молекулы ДНК».

Любой концепт занимает определенное место в структуре концептуальной сферы, которая строится по типу отношений между языковыми значениями в структуре семантического поля, то есть отношений тождества, контраста, включения и пересечения [Васильев 1990: 64]. Концепт «смерть» находится в отношениях включения и пересечения с концептами «разрушение», «прекращение», «слабость», «болезнь», «ранение», «падение» и т.д. Связь концепта «смерть» с этими концептами прослеживается в дефинициях, в частности дефинициях глаголов, выражающих соответствующие понятия, например: *destroy* “**demolish**; end the existence; kill” [Oxford]; *polish off* “**finish** (esp. food) quickly; kill, murder” [Oxford]; *drop* “**sink or cause to sink or fall** from the ground from exhaustion, a blow, a **wound**, etc.; die; **cease or cause to cease**” [Macmillan].

Второй раздел посвящен компонентному анализу глагольных наименований смерти. Основные положения комбинаторной семантики можно выразить в форме следующих утверждений: 1) семантическое пространство языка дискретно, 2) набор элементов в этом пространстве конечен и обозрим, а число комбинаций бесконечно, 3) семема может описываться как комбинация сем, 4) список сем, будучи потенциально универсальным для всех языков, образует концептуальную модель мира.

Семантическое поле «смерть» представляет собой иерархию субполей. Каждое субполе можно считать суперординатой, то есть самостоятельным семантическим полем по отношению к собственным субординатным разрядам. Аналогичным образом, одна и та же сема может быть как интегральной, так и дифференциальной, в зависимости от уровня иерархии.

Дифференциальная сема «каузация» делит все глагольное семантическое поле «смерть» на 2 субполя: 1) «смерть субъекта действия» и 2) «смерть объекта действия». Прототипическое значение первого поля: «X умирает»; актантная структура: «субъект действия» X + «предикация» («смерть»). Прототипическое значение второго поля: «X каузирует Z → Z умирает»; актантная структура: «субъект действия» X + «предикация» («смерть») + «каузация» + «объект действия» Z. С позиции глубинной семантической структуры в первом поле субъект смерти совпадает с субъектом действия (мертвец, умирающий, мертвый и т.д.); объект действия отсутствует; во втором поле субъект смерти совпадает с объектом глагольного действия. Дифференциальная сема «характер глагольного действия» делит семантическое поле «смерть субъекта действия» на 2 субполя: 1) «смерть как процесс» и 2) «смерть как состояние». Прототипическое значение первого поля: «X совершает действие, обозначаемое предикатом “смерть”»; прототипическое значение второго поля: «X находится в состоянии, обозначаемом предикатом “смерть”». Дифференциальная сема «направление каузации» делит семантическое поле «смерть объекта действия» на 3 субполя: 1) «каузация объекта действия» («убийство»), 2) «автокаузация объекта действия» («самоубийство»), 3) «рефлексивная каузация объекта действия» («взаимное убийство»). Прототипическое значение первого поля: «X каузирует Z → Z умирает»; актантная структура: «субъект действия» X + «предикация» («смерть») + «каузация» + «объект действия» Z. Прототипическое значение второго поля: «X каузирует X → X умирает»; актантная структура: «субъект действия» (= «объект действия») X + «предикация» («смерть») + «каузация» + «объект действия» (= «субъект действия») X. Прототипическое значение третьего поля: «X каузирует Z → Z умирает» ↔ «Z каузирует X → X умирает»; актантная структура: «субъект действия» X (= «объект действия» Z) + «предикация» («смерть») + «каузация» + «объект действия» Z (= «субъект действия» X).

Дифференциальные семы реализуются в индуктивных оппозициях, типичных для каждой категории, то есть для каждого субполя с общей категориальной или субкатегориальной семой в языках сравнения; при этом одна и та же оппозиция сем может «обслуживать» семантически смежные категории. Смежными категориями являются, по существу, все выделенные семантические подразделения (субполя), поскольку каждая категория отличается от соседней изменением одной семы или (максимум) двух сем. Потенциально возможная жесткая оппозиция почти никогда не реализуется внутри категории, теряя свою жесткость в нейтрализации маркированного члена, за исключением сем с бинарной оппозицией компонентов: сема «характер глагольного действия» («смерть как процесс»

vs. «смерть как состояние»), сема «каузация» («смерть субъекта действия» vs. «смерть объекта действия»).

Во всех сравниваемых языках наибольшее число сем представлено в семантических полях «смерть субъекта действия как процесс» и «каузация объекта действия». Таксономическая глубина любого семантического поля, которая измеряется числом дифференциальных сем, является минимальной; иначе говоря, конститутанты поля отличаются друг от друга семантическим компонентом одной семы; зато интегральная составляющая семантического поля (число конституирующих интегральных сем) превышает таксономическую глубину как минимум на один порядок, варьируясь от 2 до 4 сем.

Актуализация сем в семеме свидетельствует о большой степени межъязыкового сходства. Во всех языках сравнения наибольшей продуктивностью (способностью актуализироваться в семемах) характеризуется сема «непосредственная причина смерти» (около 30 семантических компонентов: «несчастный случай», «насильственная смерть», «тяжелая работа», «старость», «утопление», «голод», «передозировка наркотика», «гипотермия», «потеря крови», «обезвоживание», «отравление», «повешение», «огнестрельная рана», «асфиксия», «колото-резаная рана», «отделение головы», «электршок», «четвертование», «избиение», «сжигание», «сажание на кол», «извлечение внутренностей», «раздавливание», «распятие на кресте», «колесование», «наезд автомобилем», «стихия»).

Сходство между языками проявляется также в отношении полисемантизации наименований смерти; во всех языках существуют полисеманты, выражающие концепты «умирать» и «каузировать смерть»: ср. англ. *choke* (1), *choke* (2), *drown* (1), *drown* (2); нем. *ersticken* (1), *ersticken* (2); франц. *étouffer* (1), *étouffer* (2); это свидетельствует о взаимной близости концептов, которые связываются в одну общую категорию, независимо от этноса, культуры и менталитета.

Межъязыковые различия определяются, главным образом, строем языка. Например, рефлексивная каузация смерти представлена лишь во французском языке: *se tuer* (3); *s'égorgé*; *s'entre-égorgé*; *s'entre-tuer* благодаря комбинации рефлексивной частицы *se* с аффиксом *entre-*: *s'entre-* («друг друга»), типичной для этого языка. Фактор языкового строя проявляется также в большом количестве префиксальных производных синонимов в немецком языке, образованных с помощью префиксов *dahin-*, *hin-*, *hinüber*, *er-*, *tot-*: *erschießen* = *totschießen* «расстрелять, застрелить», *erschlagen* = *totschlagen* «избить до смерти», *abscheiden* = *hinscheiden* «умереть», *töten* = *ertöten* «убить», *sterben* = *ersterben* = *versterben* «умереть», *einschlafen* = *entschlafen* = *hinüberschlafen* «умереть» и т.д. Вместе с тем, объяснение некоторых различий следует, вероятно, искать в

разных объемах словника и способе передачи материала в словаре. Так, обращает на себя внимание несколько большая степень детализации в немецкой и французской номинации смерти по сравнению с номинацией в английском языке.

В значениях анализируемых наименований наблюдается варьирование критериальной силы диагностических признаков. Критериальность семы убывает в направлении от интегральных сем к дифференциальным семам. Варьирование дифференциальной семы внутри категории, как правило, не приводит, а варьирование интегральной семы приводит к нарушению «условий типичности» (typicality condition) [Johnson-Laird 1983] категории. Например, дифференциальная сема «непосредственная причина смерти» не имеет существенного значения для поддержания категории; именно поэтому для выделения большинства номинаций, обозначающих процесс умирания или акт убийства, вполне достаточно актуализации только интегральных сем. Наоборот, нейтрализация интегральной семы, например «направление каузации», размывает категорию УБИЙСТВО, ослабляя прототип; так, типичное убийство определяется моделью «X каузирует Z → Z умирает», в то время как автокаузация и рефлексивная каузация объекта действия занимают периферию категории. Таким же образом, как говорит Х. Патнэм, прототипический лимон должен быть желтым, хотя зеленый лимон – это тоже лимон [Putnam 1975: 140]; прототипический убийца убивает другого и этим ограничивается, в то время как убийцу, совершающего самоубийство после своего акта, можно сравнить с зеленым лимоном Патнэма.

Прототип категории в языковом плане представляет собой его наименование, то есть наименование, которое в наиболее полной мере соответствует его атрибутам. Прототипическими наименованиями рассмотренных категорий следует считать единицы языка, представляющие психологически наиболее распознаваемые виды смерти, выступающие идентификаторами в толкованиях других единиц, семантически представленные наиболее критериальными признаками и структурно оформленные в виде простых единиц: *die/kill* в английском языке; *sterben/töten* в немецком языке, *mourir/tuer* во французском языке.

Типические признаки, указывающие на прототипический смысл, в целом, соответствуют дифференциальным семам. Такие признаки позволяют расширить представление о референте номинации, наделяя его соответствующей оценкой. В качестве прототипической причины смерти отмечается несчастный случай, насильственная смерть, болезнь, война, стихия, например, англ. *lose one's life*. Прототип указывается, главным образом, в действии субъекта на объект с целью убийства. При этом может подчеркиваться корыстный мотив (англ. *assassinate*, нем. *liquidieren*), непосредственная причина смерти, например повешение как вид

узаконенного убийства (*hang* (2)), исторический период распространения вида казни, например четвертования (нем. *vierteilen*). Типичным для человека является отношение к смерти как к заслуженному наказанию лица с явно отрицательной характеристикой, например, убийцы (англ. *come to/meet a sticky end*); иногда сам убийца, сознавая свою вину, совершает самоубийство, что отмечается в толковании как типичный мотив (франц. *se faire justice*). Процесс умирания представляет интерес для человека, прежде всего, с точки зрения характера смерти. Поэтому типический признак может указывать на рациональную оценку (долгая агония, борьба умирающего за свою жизнь: франц. *succomber à qch.*). Отрицательно маркировано жестокое убийство (англ. *murder*) или убийство, влекущее большое количество жертв (англ. *butcher, kill off, massacre*, нем. *hinmorden*). Жестокая смерть часто ассоциируется с животным как объектом убийства (англ. *destroy*) или человеком, который умирает, как животное, унижая свое человеческое достоинство (нем. *krepieren*). Человек способен совершать необдуманные действия, находясь в состоянии аффекта и причиняя другому лицу серьезный вред для здоровья; поэтому в толковании может подчеркиваться, что подобное действие совершается именно с целью убийства (англ. *gas, strangle*).

Как известно, границы между категориями являются размытыми; это утверждение в полной мере характеризует рассмотренные семантические поля, соответствующие двум категориям смерти: 1) СМЕРТЬ СУБЪЕКТА ДЕЙСТВИЯ и 2) СМЕРТЬ ОБЪЕКТА ДЕЙСТВИЯ. Прототипическим примером первой категории является модель «смерть = S умирает», прототипом второй категории служит модель «S каузирует O → O умирает». Таким образом, смерть во второй модели объясняется каузацией, то есть действием каузатора. Однако каузатор, если понимать его достаточно широко, присутствует и в первой модели – в качестве семы «непосредственная причина смерти». Ср. следующие примеры: модель 1) «S умирает под гильотиной» = модель 2) «S (гильотина) каузирует O → O умирает»; модель 1) «S умирает от болезни (холода, голода, потери крови и т.д.)» = модель 2) «S (болезнь и т.д.) каузирует O → O умирает». Таким образом, человек умирает, потому что всегда есть причина смерти (каузатор), который в качестве субъекта действия каузирует смерть объекта, равного субъекту смерти. Это утверждение легко доказывается трансформационным анализом с примерами из любого языка, например: рус. *меня убивает жара* = *я умираю от жары*; *ты умрешь от болезни* = *тебя убьет болезнь*; англ. *drug abuse can kill* (Longman) = *one can die from drug abuse*; *her parents were killed in a plane crash* (Longman) = *her parents perished in a plane crash*; нем. *bei dem Unfall wurden drei Menschen getötet* = *bei dem Unfall kamen drei Menschen um*; *er starb an einem Herzschlag* = *ein Herzschlag tötete ihn / brachte ihn um*; франц. *des vieilles gens meurent de*

diverses maladies = diverses maladies tuent des vieilles gens; dix soldats et un officier ont péri = dix soldats et un officier ont été tués.

В целом компонентный анализ показывает существенное межязыковое сходство между языками сравнения. Список интегральных и дифференциальных сем является эталонным, из которого каждый язык «выбирает» свой вариант. Эталонное число семем (69) реализуется в каждом языке только частично: во французском языке – 46, в немецком языке – 44, в английском языке – 38. Таким образом, языки можно расположить следующим образом по мере удаления от эталона: французский язык – немецкий язык – английский язык.

В третьем разделе рассматривается характеристика значимостей предикатов смерти в каждом из сопоставляемых языков.

Соотношение маркированных (обладающих значимостью) и немаркированных наименований составляет пропорцию 1:1 для всех языков сравнения. При этом стилевая значимость превалирует, характеризуя почти все маркированные наименования, что может объясняться коммуникативной значимостью единиц данного семантического поля. Тема смерти с точки зрения человеческой психологии подвергается определенной табуизации; отсюда подсознательное или, наоборот, сознательное желание избежать ее не только в речи, но и в мыслях. Такое табуирование проявляется либо в иносказательности (эвфемизмы), либо в благоговейном почтении (высокий стиль), либо, наоборот, в нарочитой заниженности этой серьезной темы (разговорный стиль).

В маркированных номинациях разговорный стиль преобладает над высоким (примерное соотношение = 5 : 3 во всех языках). Ср. разговорные номинации: англ. *conk, conk out, finish off, kick the bucket*; нем. *abschnappen, dran glauben müssen, draufgehen, in die Pfanne hauen*; франц. *faire la peau à qn., liquider, passer l'arme à gauche, trucider*. Преобладание разговорных единиц может объясняться желанием говорить о «высоких материях» максимально понятным (разговорным) языком, то есть выступает как проявление максимы вежливости в духе Грайса: тема разговора не должна наводить грусть на собеседника.

Темпоральная значимость определяется привативной оппозицией «малоупотребительные наименования» vs. «общеупотребительные наименования». Малоупотребительные лексемы составляют меньшинство (примерно 1/10 часть во всех языках); ср. следующие номинации: англ. *give up the ghost, go for a Burton, turn up one's toes*; нем. *absterben, verbleichen, zernichten*; франц. *calancher, meurtrir, occire*.

Территориальная значимость отмечается лишь в английском языке; при этом соотношение американизмов и британизмов составляет

пропорцию 9 : 5; ср. следующие номинации: брит. *come to a sticky end, cop it, peg out*; амер. *fray, put away, rub out*.

Эмотивная значимость представлена, в основном, лексическими единицами, которые употребляются в шутовском контексте. Характерно, что шуточные выражения встречаются чаще единиц, отмеченных как грубые высказывания, усиливающие общую окраску заниженного стиля речи; ср. номинации: англ. *give up the ghost, kick the bucket*; нем. *den / seinen Geist aufgeben, in die ewigen Jagdgründe eingehen*; франц. *occire, stranguler*.

Четвертая глава состоит из двух разделов.

Первый раздел посвящен рассмотрению структурных моделей внутренней формы. Структура внутренней формы в значительной мере отражает компонентную структуру семемы, то есть большинство дифференциальных сем в семантических субполях имеет открытый характер; наиболее наглядно это проявляется в отношении семы «непосредственная причина смерти».

Базисная структура внутренней формы мотивированной номинации может выражаться с помощью двух фундаментальных типов мотивирующих признаков, которые можно назвать терминами *идентификатор* и *модификатор* [Шафиков 2004: 193-194]. Идентификатор относит наименование к данному и только данному семантическому полю (например, англ. *die off* → *die* → поле «смерть как субъект действия»), а модификатор – с полем другого именованного, поскольку его именем является наименование любого иного (кроме данного) объекта внеязыковой действительности (например, англ. *pass away* → *pass* → поле «движение»). В зависимости от различной экспликации двух типов мотивирующих признаков, в структуре номинации можно выделить 3 группы наименований: 1) в первой группе внутренняя форма образуется комбинацией обоих мотивирующих признаков и поэтому является полной (например, во внутренней форме англ. *die off* идентификатор представлен глаголом *die*, а модификатор – наречием *off*); 2) во второй группе внутренняя форма образуется только идентификатором и поэтому является неполной (например, во внутренней форме номинации *ersterben* в немецком языке семантически и структурно выделяется только корень *sterben* «умирать», в то время как префикс *er-* десемантизирован); 3) в третьей группе внутренняя форма образуется только модификатором и поэтому также является неполной (например, франц. *étriper* ← *tripe* → «потроха») → поле «внутренность, содержимое, содержание, начинка»). Соотношение номинаций смерти по экспликации идентификатора и модификатора как разных типов мотивирующих признаков в структуре наименования показывает, что преобладающим типом номинации является наименование, внутренняя форма которого реализует только модификатор. Такое соотношение, характерное для каждого из сопоставляемых языков,

свидетельствует о том, что главной стратегией при номинации объекта является именование по специфическому (характерному) признаку.

Модификатор может иметь сложное строение, которое в диссертации рассматривается с точки зрения своих элементов, то есть мотивирующих компонентов внутренней формы. По степени совпадения такой структуры в языках сравнения можно выделить (условные) *универсалии* (структуры, представленные в трех языках сравнения), *фреквенталии* (структуры, представленные в двух языках сравнения) и *уникалии* (уникальные структуры, представленные одним языком).

К универсальным моделям внутренней формы относятся следующие: [терять + (своя) жизнь] англ. *depart this life / world; lose one's life*; нем. *ums Leben kommen*; франц. *perdre la vie*; [(идти) + <откуда> (этот свет) (этот мир)] англ. *depart this life / world*; нем. *aus der Welt gehen / scheiden; ums Leben kommen*; франц. *passer de vie à trépas; quitter la / cette terre / ce monde / la vie*; [уйти] англ. *depart; go; go off; pass away / on / over*; нем. *abscheiden; dahinfahren; dahingehen; dahinscheiden; draufgehen; eingehen; hinscheiden; hinübergehen; verscheiden*; франц. *passer; s'en aller*; [(сделать) + последний вздох] англ. *breathe one's last (breath)*; нем. *den letzten Schnauf / Seufzer tun*; франц. *rendre le dernier soupir*; [выпустить (отдать) + <куда> (вверх) + дух (душа)] англ. *give up the ghost*; нем. *den / seinen Geist / sein Leben / die Seele aushauchen / verhauchen; den / seinen Geist aufgeben*; франц. *rendre l'âme*; [отдыхать] англ. *rest*; нем. *ruhen*; франц. *reposer*; [пролить + кровь] англ. *spill someone's blood*; нем. *Blut übertragen / vergießen*; франц. *répandre le sang; saigner; verser le sang; verser son sang*; [уничтожить] англ. *destroy; dispose of; do away with; eliminate; exterminate; liquidate*; нем. *liquidieren; vernichten; zernichten*; франц. *éliminer; détruire; liquider; ratatiner; supprimer*; [выполнить] англ. *execute*; нем. *erledigen*; франц. *exécuter*; [(убить) + <как> гильотина] англ. *guillotine*; нем. *guillotiniieren*; франц. *guillotiner*; [вешать + (себя)] англ. *hang (1); hang oneself*; нем. *sich erhängen*; франц. *se pendre*; [вешать] англ. *hang (2)*; нем. *erhängen; hängen*; франц. *pendre*; [отравить] англ. *poison*; нем. *den Schierlingsbecher nehmen / leeren / trinken; vergiften*; франц. *empoisonner*; [(убить) + <как> газ] англ. *gas*; нем. *vergasen*; франц. *gazer*; [душить] англ. *asphyxiate; choke (2); suffocate (2)*; нем. *abwürgen; erdrosseln; ersticken (2); erwürgen (2)*; франц. *asphyxier; étouffer (2); s'asphyxier (2)* (всего 16).

Внутренние формы уникалий, в целом, вызывают менее привычные представления, чем внутренние формы универсалий. Ср. следующие уникалии: англ. *rip someone limb from limb* (буквально «разорвать конечность от конечности»); нем. *stumm machen* (буквально «сделать немым»); англ. *lay low* (буквально «положить низко»); франц. *faire passer / ôter à qn. le goût du pain* (буквально «прогнать вкуса хлеба»), франц. *buter* (буквально «бить по воротам»); франц. *rectifier* (буквально «выпрямить»).

При этом уникалия обуславливается либо полностью уникальной структурой, либо уникальным для определенной структуры компонентом. Ср., например, номинацию самоубийства через признак «конец» в языках сравнения: [закончить + <это> всё] англ. *end it all*; [положить конец + своя жизнь] нем. *seinem Leben ein Ende machen / setzen*; [положить конец + свои дни] франц. *mettre fin à ses jours*.

Межъязыковое сходство объясняется двумя взаимосвязанными причинами: общим способом мышления, свойственным всему человечеству, и общечеловеческой культурой. Например, модель [уйти + <куда> могила] (нем. *in die / zur Grube fahren; ins Grab sinken*; франц. *descendre dans la tombe / au tombeau / au cercueil*) строится на привычном представлении, которое имеет метафорический характер: умереть ~ сойти в могилу → СМЕРТЬ ~ МОГИЛА. В этой модели, видимо, универсальной для современного человечества, отражается традиция захоронения мертвых в могиле; умирающему приписывается активное начало, то есть мертвый не опускается кем-то, а как бы сам спускается в могилу.

Различия между внутренними формами единиц объясняются, главным образом, структурой языка. Так, уникальная для немецкого языка словообразовательная модель [*tot*- «мертвый» + V] позволяет образовать целый ряд производных с уникальной внутренней формой: *tot schlagen* «забить до смерти», *totstechen* «заколоть до смерти», *tottreten* «затоптать до смерти», *totfahren* «переехать до смерти». Соответствующее значение выражается в других языках при помощи свободного словосочетания, например, в английском языке: *beat to death, pierce to death, tread to death*. Для французского языка характерно употребление возвратных конструкций; так, например, структура внутренней формы типа [утопить + себя] *se noyer*, [самоубийство + себя] *se suicider* является уникальной вследствие возвратного компонента, который может быть либо необходимым для понимания значения единицы (*se noyer*), либо полностью десемантизированным (*se suicider*).

Второй раздел посвящен рассмотрению моделей переноса значения, основанного на метафоре и метонимии. Внутренняя форма рассматривается здесь как компонент модели, которая описывает метафорический или метонимический перенос значения. В терминах метафорической теории Дж. Лакоффа такой компонент называется *источник* (SOURCE), а переносное значение – *мишень* (TARGET).

Перенос значения может быть явным и неявным. К явно выраженной метонимии можно отнести, например, модель ПРИЧИНА ← СЛЕДСТВИЕ (франц. *partir les pieds devant*, нем. *verbleichen*). Однако достаточно часто встречается очевидная смежность значения и внутренней формы, хотя причинно-следственную связь установить затруднительно. В данном исследовании подобные случаи группируются в модель <СМЕЖНЫЕ

ПОНЯТИЯ>; сюда относится, например, модель убить ← пролить кровь, общая для языков сравнения (англ. *spill someone's blood*, нем. *Blut übertragen / vergießen*, франц. *répandre le sang*). Понятия «убийство» и «пролитие крови» пересекаются, поскольку «не всякое убийство совершается с кровопролитием и не всякое пролитие крови (в буквальном смысле) приводит к смерти» [Шафигов И.С. 2006: 343].

Анализ видов семантического переноса позволяет выделить общие (коинцидентные) модели, совпадающие в языках сравнения. Общие модели включают **1) метафорические модели:** смерть ~ движение вниз; смерть ~ последнее действие; убийство ~ насильственное действие; человек ~ животное; смерть ~ конец; смерть ~ сон; жизнь (смерть) ~ вместилище; человек ~ вещь; жизнь ~ свет / смерть ~ тьма; жизнь ~ душа; жизнь ~ вещь; смерть ~ отдых; жизнь ~ текст; убийство ~ разорение; убийство ~ дело; смерть ~ могила; смерть ~ вещь; смерть ~ завоеватель; убийство ~ справедливость; смерть ~ путешествие; смерть ~ граница смерть ~ исчезновение; **2) метонимические модели:** действие ← результат; <смежные понятия>; общее ← частное; причина ← следствие. Выделение таких моделей свидетельствует о значительном сходстве между языками сравнения. Люди мыслят сходными категориями и концептуализируют мир сходным образом независимо от места рождения и культурных стереотипов.

Английский язык характеризуется минимальным числом уникальных моделей (1), представляя (в массе) общие модели. Это, вероятно, связано с близостью английского языка, с одной стороны, к немецкому языку (генетическая близость), а, с другой стороны, к французскому (структурная близость, помноженная на этимологическую близость лексиконов). В целом английский язык имеет больше общих моделей с немецким языком (3), чем с французским (1), из чего следует, что генетическое родство превалирует над лексической близостью между языками. Главными моделями переноса в английском языке являются следующие: 1) ЖИЗНЬ (СМЕРТЬ) ~ ВМЕСТИЛИЩЕ, 2) ЧЕЛОВЕК ~ ВЕЩЬ, 3) СМЕРТЬ ~ ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЙСТВИЕ. Немецкий язык характеризуется значительным числом уникальных моделей (7), представляя все общие метафорические модели и почти все метонимические. Количественный перевес немецких номинаций в общих моделях может объясняться синонимией флексий (ср.: *entschlafen = einschlafen; hinüberschlummern = hinüberschlafen*). Главными моделями переноса в немецком языке являются следующие: 1) ЖИЗНЬ (СМЕРТЬ) ~ ВМЕСТИЛИЩЕ, 2) СМЕРТЬ ~ МОГИЛА. Французский язык характеризуется наибольшим количеством уникальных моделей (10) и поэтому представляет наиболее самобытную модель мира по сравнению с сопоставляемыми языками. Вместе с тем, французский язык в большей степени, чем английский, представляет коинцидентные модели переноса.

Главными моделями переноса во французском языке являются следующие: 1) ЖИЗНЬ / СМЕРТЬ ~ ВМЕСТИЛИЩЕ, 2) ЧЕЛОВЕК ← ЧАСТЬ ТЕЛА, 3) ЧЕЛОВЕК ~ ВЕЩЬ, 4) СМЕРТЬ ~ ДВИЖЕНИЕ ВНИЗ, 5) СМЕРТЬ ~ КОНЕЦ.

Метафора выступает как предпочтительный (преобладающий) тип семантического переноса, так как для человеческого мышления более характерно установление ассоциаций между концептами (категориями), чем логических отношений между ними. Метонимия выглядит абстрактнее с точки зрения образности, указывая только на границы между категориями возможностью употребления одного понятия вместо другого, соседнего. Проведенный анализ подтверждает тезис о превалировании метафоры над метонимией (во всех языках сравнения это соотношение моделей равно 1 : 5,5).

Универсальные модели, то есть модели, общие для всех языков сравнения, содержат наиболее ключевые категории человеческой культуры, которые могут служить компонентами метафоры (метонимии), например: ДУША, СВЕТ, ТЬМА, ВЕЩЬ, ЧЕЛОВЕК, ЖИВОТНОЕ, ВМЕСТИЛИЩЕ, СОН, КОНЕЦ, ДВИЖЕНИЕ ВНИЗ и т.д. Модели, представленные двумя языками (фреквенталии), как правило, содержат менее глобальные концепты, например «текст», «разорение», «насильственное действие», «завоеватель», «путешествие», «граница» и т.д. Эти концепты представляют собой продукты мышления на более поздних стадиях его развития, и их роль в формировании универсалий менее заметна. Таким образом, необходимым условием формирования универсальной модели переноса является использование абстрактных понятий, важных с точки зрения категоризации, в качестве компонентов модели; наоборот, уникальная модель переноса отличается более конкретными («бытовыми») составляющими.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Шафигов И.С. 2001 – Шафигов И.С. Коннотация лексических единиц со значением «становиться мертвым» в английском и русском языках // Теория поля в современном языкознании. – Уфа: РИО БашГУ, 2001. – С. 177–181.

2. Шафигов И.С. 2002(а) – Шафигов И.С. Концептуальная сфера «СМЕРТЬ» в семантике глагольных единиц в английском языке // Теория поля в современном языкознании. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – С. 194–198.

3. Шафигов И.С. 2002(б) – Шафигов И.С. Концептуально-компонентный анализ лексических единиц обозначающих прекращение жизнедеятельности, в английском языке // Проблемы семантики языковых и речевых единиц в свете типологии языков и межкультурной

коммуникации: Материалы всероссийской научной конференции. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – С. 54–55.

4. *Шафиков И.С. 2003* – Шафиков И.С. Метафора и метонимия в концепте «СМЕРТЬ» на материале английского языка // Вопросы полевого описания языка. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – С. 224–228.

5. *Шафиков И.С. 2004* – Шафиков И.С. Компоненты образности в глагольных единицах, обозначающих прекращение жизнедеятельности (на материале русского и английского языков) // Студент и наука: Материалы научно-практической конференции, посвященной 95-летию основания Башкирского государственного университета. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – С. 93–94.

6. *Шафиков И.С. 2006* – Шафиков И.С. Семантическое поле «убивать» в свете метафорико-метонимической образности (на материале английского и немецкого языков) // Языковые и речевые единицы в разных языках. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – С. 336–350.

7. *Шафиков И.С. 2007* – Шафиков И.С. Компонентный анализ французских единиц, обозначающих смерть во французском языке // Вестник БашГУ. – 2007. – №1. – С. 116–119.

8. *Шафиков, Шафиков 2005* – Шафиков С.Г., Шафиков И.С. «СМЕРТЬ» в семантике глагольных единиц (на материале английского и русского языков) // Семантика разноуровневых единиц в языках различного строя. Сб. научных статей к 65-летию проф. Р.З. Мурясова. – Уфа: РИО БашГУ 2005. – С. 215–224.

9. *Шафиков, Шафиков 2007(а)* – Шафиков С.Г., Шафиков И.С. Душа русского человека в свете когнитивной лингвистики и перевода // Когнитивные и семантические аспекты единиц языка и речи. – Уфа: РИО БашГУ, 2007. – (в печати).

10. *Шафиков, Шафиков 2007(б)* – Шафиков С.Г., Шафиков И.С. Межкультурная коммуникация и перевод // Лексические и грамматические категории в свете типологии языков и лингвокультурологии: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 450-летию добровольного присоединения Башкирии к России. – Уфа: РИО БашГУ, 2007. – С. 46–47.